

НЕСИЛОВЫЕ РЕСУРСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

В статье анализируются несиловые ресурсы политической власти.

Ключевые слова: *власть, экономические ресурсы, политическая культура.*

A.V. Kostin
I.V. Burkovskiy

SOFT POWER RESOURCES OF POLITICAL AUTHORITY

Soft Power resources of political authority are analyzed in the article.

Keywords: *authority, economic resources, political culture.*

С момента появления политологии как науки и по сегодняшний день в научной литературе продолжается дискурс об основаниях, источниках и ресурсах власти. Да и сам термин «власть» неоднозначно рассматривается философами, социологами и политологами. Платон, Аристотель для обозначения власти использовали слово *archē* – «архэ», имеющее два значения: «суверенитет» и «начало». По мнению некоторых исследователей, существенное в понимании греками «архэ» – это инициативный толчок, или движение, с помощью которого способный человек может подчинить действия других.

В латинском языке смысловая основа слова «власть» (лат. *potestās*) обозначает способность, возможность, обладание достаточной силой для осуществления какой-либо деятельности (лат. *potētis*). Акцент здесь ставится не столько на источнике, «начале» действия, сколько на его субстанциональной основе – силе. В этом значении термин «власть» перешел и в романо-германские языки³.

В русском языке слово «власть» является однокоренным со словом «владеть» (властитель, владыка, владычествовать), основание которого имеет

значение «собственник», «хозяин», «обладающий собственностью»⁴.

В данном случае этимология слова «власть» подчеркивает, прежде всего, ее материальный аспект, экономическую базу, определяющую все другие проявления власти.

Англоязычные политологи различают два вида власти – власть, исходящую от силы (для обозначения этого типа власти используется слово *power*) и власть, исходящую от авторитета – лат. *authority* (ее лучше всего понимать как «признанную власть»). «Власть-авторитет» зиждется на добровольно принимаемой обязанности выполнять определенные требования, а не на принуждении⁵.

Политическая практика давно уже доказала, что политической властью обладает тот, кто имеет соответствующие ресурсы и умело ими распоряжается.

Характеризуя роль «ресурсов» в объяснении и исследовании властных отношений, Р. Дал подчеркивает, что анализ их распределения между индивидами и социальными группами в различных обществах и исторических условиях – «это древний, общепризнанный, распространенный и убедительный способ объяснения, использованный Аристотелем в Греции в третьем веке до н.э., Джеймсом Хэррингтоном – в семнадцатом веке в Англии, отцами-основателями Американ-

¹ Доктор политических наук, профессор НОУ ВПО «Российский новый университет».

² Заместитель заведующего кафедрой юридических дисциплин Елецкого филиала НОУ ВПО «Российский новый университет».

³ См.: Кравченко, В.И. Власть : особенности, проблемы, перспективы : монография / СПб ГУАП. – СПб., 2000. – С. 14–16.

⁴ См.: Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов. – М. : Сов. энциклопедия, 1953. – С. 62–63.

⁵ См.: Хейвуд, Э. Политология. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – С. 4.

ской конституции – в девятнадцатом веке и многими выдающимися учеными двадцатого века».¹

Это вполне естественно: анализ ресурсов совершенно необходим для понимания распределения власти в обществе, он помогает выделить различные формы власти и оценить ее основные параметры. Ресурсы могут применяться для поощрения, наказания или убеждения. В процессе их реализации субъектом они могут трансформироваться во власть, которая и представляет собой способность превращать определенные ресурсы в устойчивое влияние в рамках системы взаимосвязанных агентов.

Ресурсы власти обычно определяются как средства, с помощью которых субъект – носитель власти – может оказать влияние на объект. Ресурсы власти могут носить как материальный, так и нематериальный характер. Это подчас стимулирует попытки определить все возможные ресурсы власти и включить их в общую классификацию.

Например, Э. Этциони выделяет принудительные ресурсы, ресурсы, дающие выгоды и нормативные ресурсы власти. С. Бэкэрэк и Э. Лолер добавляют к этой классификации еще один тип ресурсов власти – знание. Х. Лассуэл и Э. Каплан выдвинули схему, в которой выделяют восемь основных ресурсов («основных ценностей») власти: власть (которая может выступать основой для другой, большей, власти), уважение, моральный долг, любовь, благосостояние, богатство, умения и просвещенность. Р. Дал предложил еще более подробный перечень ресурсов политической власти, включающий свободное время акторов (лат. *actor* – исполнитель), деньги и богатство, контроль над рабочими местами, контроль над информацией, социальное положение, обладание харизмой, популярностью и легитимностью, должностные права, солидарность, способность получить поддержку других людей и групп и др.

В данном случае термин «ресурсы власти» используется в отношении очень широкого спектра вещей, которые зачастую имеют лишь одну общую черту: они позволяют субъекту заставить объект действовать в соответствии со своими намерениями. Д. Ронг уделяет большое внимание анализу форм власти, основанных на «нематериальных» ресурсах индивидов – знании, информации и т.д., и особо подчеркивает роль таких кол-

лективных ресурсов власти, как солидарность и организация.

Известный американский социолог-футуролог О. Тоффлер считает, что в конце XX – начале XXI вв. *знания* и *информация* становятся важнейшим ресурсом власти. Уже сегодня в постиндустриальных странах «знания, в силу своих преимуществ – бесконечности, общедоступности, демократичности – подчинили силу и богатство и стали определяющим фактором функционирования власти». В ходе общественного развития такие традиционные ресурсы власти, как сила и богатство, утрачивают свое влияние, хотя и не исчезают полностью. Истинную же власть приобретают знания и информация².

Еще одним ресурсом власти является **харизма**. Но для того, чтобы понять суть харизмы как ресурса власти, необходимо вспомнить концепцию харизмы, предложенную *Максом Вебером*. Необходимо отметить, что если в понятии харизматической власти и есть один бесспорный элемент, то таковым является прямая связь между лидерами и их последователями. Вот что пишет последовательница Вебера А. Уиллнер: «Харизматическая власть не основана ни на должности, ни на статусе, а вытекает из способности конкретной личности вызывать и поддерживать веру в себя как источник легитимности»³.

Тут же нужно сказать, что объектом харизмы является исключительно личность лидера-харизматика.

Однако Вебер не дает четкого определения власти, основанной на харизме. Он утверждает, что харизма «есть определенное качество индивидуальной личности, на основе которого она оценивается как исключительная, и к ней относятся как к личности, наделенной сверхъестественными, сверхчеловеческими или исключительными возможностями и качествами». Вебер говорит о харизматической власти, что она основана «на преданности святости, героизму или образцовости конкретной личности, нормам и приказам, открываемым или отдаваемым ею»⁴.

М. Вебер не порвал с религиозными истоками понятия «харизма». Он считал, очевидно, что оно в своем первоначальном религиозном смыс-

¹ Dahl, R. Power as the Control of Behaviour / Edited by Steven Lukes. Oxford : Blackwell, 1986. С. 44;

² Тоффлер, О. Проблема власти на пороге XXI века // Свободная мысль. – 1992. – № 2. – С. 16.

³ Willner, A.R. The Apellbinders : Charismatic Political Leadership. – New Haven, Yale University Press, 1984. С. 4.

⁴ См.: Weber, M. Economy and Society. – N.Y., 1968.

ле имеет особый «аромат» и особую силу, от которых не следует отказываться при включении в модель политических ситуаций и политических лидеров. «Аромат» и «сила» харизмы вытекают из иррациональной в своей основе связи, которая, по мнению Вебера, похожа на причащение, когда вера шире, чем принадлежность к конкретной церкви.

Итак, желание как можно теснее связать понятие харизмы с ее религиозными истоками привело к двусмысленностям и неясностям при ее концептуализации. Но еще более серьезные трудности возникли при попытках операционализации этого понятия.

Из всех исследователей А. Уиллнер пошла дальше всех при выявлении тех характерных черт, которые свойственны власти, основанной на таком ресурсе, как харизма. Она перечисляет четыре измерения:

- имидж лидера;
- согласие;
- сплочение;
- эмоции.¹

Уиллнер определяет каждую из этих черт и выявляет, каким образом каждая из них проявляет отношения харизматического лидера и его последователей. Имидж лидера означает, по мнению Уиллнера, что сторонники верят либо в сверхчеловеческие качества лидера, либо в качества, высоко ценимые в данной культуре. Согласие означает, что сторонники верят заявлениям, сделанным лидером, и идеям, высказанным им, просто потому, что именно лидер их сказал и высказал. Далее, сторонники сплываются потому, что им достаточно, что лидер дал команду. Что касается эмоций, то «сторонники отвечают лидеру своей преданностью, благоговением или слепой верой, то есть почти теми же эмоциями, что и при религиозном поклонении».²

Экономические ресурсы власти. Распространяя свое воздействие на все сферы жизнедеятельности общества, политическая власть вместе с тем опирается на лежащие в них ресурсы. Одной из важнейших сфер является экономическая.

«Деньги практически всегда олицетворяли власть, а значит диктовали политические и экономические процессы».³ Лидирующая роль эконо-

¹ Willner, A.R. Указ. соч. – С. 5.

² Willner, A.R. Указ. соч. – С. 23.

³ Политология для юристов : курс лекций / под ред. Н.Н. Матузова и А.В. Малько. – М. : Юрист, 1999. – С. 470.

мических ресурсов (денежных, в частности) определяется следующими моментами.

Во-первых, политическая власть просто не может функционировать, не располагая экономическими ресурсами. Для политической власти всегда необходимы денежные ресурсы. Например, современные избирательные кампании в различных странах требуют на их проведение десятки миллионов долларов. Средств, выделяемых из государственного бюджета, явно недостаточно, поэтому кандидаты заинтересованы в поддержке частных лиц. Процедура восхождения на престол превращается, как правило, в празднество, которое требует еще больших финансовых ресурсов. Революционный же путь требует огромных экономических ресурсов для захвата власти и неизмеримо больше – для восстановления страны, разрушенной в ходе революции.

Во-вторых, само функционирование политической власти, реализация каждого вида экономических программ требуют огромных экономических средств. В центре внимания властвующих структур находится экономическая политика. Например, все выдающиеся американские президенты выбирали различные девизы для своих программ: «Новый курс» (Ф. Рузвельт), «Новые рубежи» (Дж. Кеннеди), «Война против бедности» (Л. Джонсон). За этими разными названиями, по существу, стояло всякий раз одно – программа экономического подъема США. Уровень экономического развития страны и роль политической власти в его повышении являются главным критерием в оценке заслуг этой власти. Можно без преувеличения сказать, что сила власти, ее прочность и легитимность находятся в прямо пропорциональной зависимости от уровня достигнутой экономической стабильности общества.

В-третьих, экономические средства необходимы для поддержания политической власти, обеспечения ее безопасности.

Содержание самого аппарата политической власти также требует немалых финансовых средств. «Без денег власть бессильна и обречена, ведь деньги являются одним из важнейших элементов механизма властвования; реальное же управление большими денежными потоками по-прежнему реальную властвующую силу».⁴

Таким образом, огромные экономические ресурсы нужны и для завоевания власти, и для реализации ее целей, и для ее поддержания. Роль экономических ресурсов этим не ограничивается.

⁴ Там же. – С. 471.

Важными экономическими ресурсами, которыми располагает политическая власть, являются манипулирование с процентными ставками по банковским вкладам, поощрение научно-технического прогресса и многое другое. Необходимо сказать и о том огромном влиянии, которое могут оказать и оказывают на политическую власть, на проводимую ею политику владельцы капиталов. «Возможность воздействия на чью-либо волю при посредстве богатства обусловливается, с одной стороны, ожидаемым соучастием в этих материальных благах, с другой – инстинктивным преклонением большинства людей перед богатством, даже без сознания, какую выгоду они могли бы получить от богача. Как бы ни относился наблюдатель к этому явлению, он должен считаться с ним как с социальным фактором».¹

В чем же сила экономических ресурсов?

1. В масштабе их проявления. В современном обществе большинство сфер пронизано экономическими механизмами, даже частные отношения поставлены на коммерческую основу.

2. Во всеобщности экономических мотивов: все хотят есть, одеваться и т.п. – и певцы, и философы, и спортсмены.

3. В передаваемости богатства по наследству и накапливаемости его.

4. Буржуа непосредственно организует производство и присваивает прибыль, в распределении которой уже впоследствии участвует и генерал, и чиновник.

5. В сфере материального производства создаются материальные условия, средства для деятельности во всех иных сферах.

6. В легкой конвертируемости денег во все иные ценности: богатый человек может купить должность, титул, перейти из одной страты в другую; нанять охрану, нанять педагогов, тренеров; многому научиться; заняться политикой, открыть бизнес, путешествовать и т.д.

Политики власти

Ф. Ландберг: «Чтобы принимать участие в политической деятельности в США, нужно быть владельцем собственности. Это не официальное требование, формально в ней может участвовать любой. Однако по существу участие в политике настолько затруднено для людей без собственности, что фактически оно невозможно».

Э. Кеннеди (бывший министр юстиции США): «Политическая система США полностью подчинена власти денег, и в силу этого она является надругательством над всеми принципами, заложенными в основу американской республики» («Коммунист». – 1976. – № 10. – С. 77).

Клод Жюльен (бывший редактор парижского еженедельника «Монд Дипломатик»): «Смешно говорить о демократии, когда деньги открывают двери к власти, которые, в свою очередь, дают шанс еще больше делать деньги».

Специфическим ресурсом власти является сам человек – демографические ресурсы. Люди – это универсальный, многофункциональный ресурс, который производит другие ресурсы. Человек – создатель материальных благ (экономические ресурсы), солдат и член партии (политико-силовые ресурсы), обладатель и распространитель знаний и информации (культурно-информационные ресурсы) и т.д. Личность выступает ресурсом власти лишь в одном из своих многочисленных измерений, будучи использована как средство реализации чужой воли. В целом же человек не только ресурс власти, но и ее субъект и объект.

Символические ресурсы власти. Символическая власть предполагает веру в легитимность слов и тех, кто их произносит. Они основаны на обладании символическим капиталом, представляющим собой капитал признания, авторитет. Обладатель символического капитала – это «властитель дум», который способен придать ценность тому, что сам считает ценным, в глазах других. Кроме того, он может конвертировать этот свой капитал в другие виды капитала, например стать политиком, советником и т.д.

В борьбе за формирование и контроль над общественным сознанием на символическом уровне, в состязании за монопольное право обозначать новые объекты (например, города, улицы) субъекты используют приобретенный в предшествующей борьбе и гарантированный законом символический капитал (например, титулы).

В приведенной трактовке символический капитал выступает одной из форм символических ресурсов. *Бурдьё* подчеркивает, что символический порядок, в отличие от рыночной цены, не является простой арифметической суммой индивидуальных символических капиталов, которые распределялись бы стихийно. «С одной стороны, при распределении индивидов и групп по объективным социальным категориям и определении их

¹ Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права. – М., 1912. – С. 228.

ценностной иерархии наиболее весомыми оказываются суждения людей, обладающих значительным символическим капиталом, то есть признанных в обществе, которым социальное положение позволяет навязать остальным наиболее подходящую для себя шкалу ценностей... С другой стороны, символический капитал может быть официально санкционирован, гарантирован и легитимирован благодаря официальному признанию. Официальное признание, выраженное путем присвоения титула, звания или степени, является одним из наиболее типичных способов демонстрации исключительного права государства на символическое насилие»¹.

Рассмотрим такие символические ресурсы, как политическая мифология, религия, политическая символика.

Эти виды ресурсов, последовательно возникающая, сосуществуют друг с другом. Каждый новый вид, появившись, не вытесняет предшественника, а, скорее, лишает его ведущей роли в производстве политических символов и смыслов. Вместе они образуют сложный комплекс средств политических актов, символического оформления политического пространства.

Исторически первой символической конструкцией был миф. Являясь формой синкретического мироощущения, этот тип символизации строился на основе фантастических образов богов, демонов и героев. Он идеализировал будущее, которое дихотомически противопоставлялось настоящему. В рамках такого мироощущения производство политических образов (с тех пор, как возникла политика и мифология стала отражать соответствующие ее стороны) не предполагало использование строго логических правил. Механизмами символизации были вера, обычаи, традиции, героизация образов. Формирование символических образов было связано с сакрализацией событий, личностей, подкреплялось сказаниями и легендами; каждый образ, утверждавшийся такими способами, нес в себе ожидания желаемого будущего.

Такого рода символизация и стимуляция лидером системы политической практики носила культовый характер. Воспроизводя самые архаичные пласты человеческого сознания, мифы примитивизировали и морализировали нормативную сферу политики.

¹ Bowdlen, P. Social Space and Symbolic Power // Sociological Theory. – 1989, Vol. 7. – № 1. – P. 14–25.

Политическая жизнь современного общества показала, что иррациональное в социальном поведении свойственно не только архаичным обществам. При определенных обстоятельствах архаика может неожиданно врваться в современную политику. В «смутное время» правила и законы прежнего социального пространства перестают действовать, поэтому опыт передается не в виде знания, а в виде мифосюжетов, основанных на символах, снимающих сложную рефлексию, устраняющих представления о случайности. Символы приобретают важнейшую роль, поскольку ими актуализируется бессознательное, движущие социальные процессы. Как отмечает Кассирер, «В отчаянных ситуациях человек всегда склонен обращаться к отчаянным мерам, и наши сегодняшние политические мифы как раз и есть такие меры. В случае, когда здравый смысл подводит нас, в запасе всегда остается сила сверхъестественного, мистического»².

Одной из предпосылок возникновения мифа является фетишизация символа. Т. Сорокин пишет, что «случаи фетишизации символических проводников можно наблюдать как среди первобытных, так и среди цивилизованных людей во всех сферах общественной жизни, на каждой стадии развития... разница состоит в фетишизируемых объектах. Австралиец фетишизирует брусок дерева; истинно верующий – икону или святого; монархист – портрет своего властителя; коммунист – портреты Ленина и Сталина»³.

Исторически следующей формой символически идеальной матрицы, потеснившей миф с лидирующих позиций, стала религия. Введя в политическую идентификацию идейную общность единоверцев, она усилила напряженность между приверженцами разных конфессий, и уровень конфронтационности в сфере политики существенно возрос.

«... Теократия – одно из фундаментальных понятий мира политического. Власть (в пору возникновения этого института) была теократической, осуществлялась (в представлении членов общества) по воле богов и иной быть не могла. Теократические государства... существуют со времени генезиса первых государственных образований»⁴.

² Кассирер, Э. Техника современных политических мифов / Антология культурологической мысли. – М., 1996. – С. 205.

³ Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. – С. 215–216.

⁴ Больганов, А.А. Генезис властноотношений и легитимации власти в теократиях // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки, 2003. – № 6. – С. 24.

Государство и церковь во многом «отзеркаливали» друг друга, взаимодополняли и взаимоукрепляли друг друга – и в организации, и в идейном плане, и в церемониале. Ритуал сам по себе являлся типом власти и играл первостепенную роль в его функционировании. Логические звенья единой цепочки – это ритуал – символ сакрализации власти, ее легитимности. Исполняя свои функции и не в последнюю очередь ритуал, вождь играл важную посредническую роль как внутри общества, так и в его окружении, связывая общество с высшим лицом, единым в своей реальности и иллюзорности.

Выполняя посредническую роль, власть была проводником благодати, гарантировала благорасположение богов к людям. Поэтому ранние общества были теократическими по своей природе. И придание кандидату на трон сакральных свойств, и использование ритуалов-символов в процессе легитимизации власти дополнялись разнообразными символами власти: трон, венец; символические знаки власти (территориальные, вербальные, звуковые, поведенческие, вещественные, астрологические), а также просто знаки власти, делавшие человека царем: только пока царственность «возложена», «надета» на него. Лишение же его атрибутов власти царственности низводило царя до обычного человеческого состояния. Атрибутами – символами власти – могли быть: палица (дубинка), золотое или железное кольцо, посох, предметы с изображением льва, быка, орла и части тела этих представителей животного мира, секира, двуглавый орел и даже физическое уродство.

Признание решающей роли сверхъестественного, доминирование эмоционального начала в религии открывают всесторонний простор фантазии, спекуляциям и манипулированию. Доминирование и абсолютизация религиозных мотивов способствует непримиримости позиций и фанатизму. Вера в сверхъестественное предрасполагает готовность принять любую трактовку, сколь явно бы она ни противоречила законам и здравому смыслу.

Манипуляции религиозным сознанием способствует и особая роль необычных психологических состояний в религии (сон, галлюцинации и т.д.), повышенная роль массового начала также открывает соответствующие возможности манипулируемости (в чем-то аналогично толпе). Имеет значение также и специфика религиозной

удовлетворенности – как искусственная компенсация неудовлетворенности жизнью.

В новых условиях появились основания для дистанцирования церкви от государства. Частая смена правительств, партий, находящихся у власти, особенно в период кризисов, делала опасным для авторитета церкви тесные связи с правительством, подрывая веру мирян в «вечные» религиозные истины.

Дистанцирование церкви от государства в условиях секуляризации во многом помогает сохранить воздействие на паству, особенно на колеблющихся, без использования государственных рычагов давления, более гибко, ненавязчиво.

Значительное количество верующих участвует в деятельности различных, часто конкурирующих партий. Поскольку мирские мотивы поведения верующих граждан часто преобладают над религиозными, клерикальные деятели считают невыгодным поддержку какой-либо одной партии, ибо это могло бы оттолкнуть верующих других партий. К тому же сближение с политикой чревато переносом межпартийной борьбы в церковную общину.

Политическая символика – важнейший компонент механизма реализации политической власти. Символы играют важнейшую роль в формировании, фиксации, воспроизводстве идентичности многих метаобщностей.

Некоторые авторы считают и всю политическую культуру символической по своей природе¹. Однако с этим вряд ли можно согласиться хотя бы потому, что она включает политические теории.

Политическая символика выполняет разнообразные функции. Во-первых, она является средством идентификации и развития группового сознания; она порождает чувства солидарности, принадлежности к единому социальному целому вплоть до родственных чувств и ощущения органического слияния. В переломных исторических и экстремальных ситуациях символы играют решающую роль в создании политического сообщества. Они играют ту роль доминанты, концентрирующей вокруг себя все многообразие, так или иначе сопрячаемое основной «идее», пронизанное неуловимым духом эпохальной атмосферы. Во-вторых, благодаря своей образной форме символ дает максимальный простор для идентификации эмоциональных реакций вплоть до экстаза, священного трепета и самозабвенного фанатизма.

¹ Гаджиев, К.С. Политическая наука. – М, 1995. – С. 341.

В-третьих, символ дает возможность абстрагироваться от наличных разногласий между объединяемыми в единое целое индивидами и группами.

Политические символы выполняют и демонстративную функцию, указывая и подтверждая, например, политические изменения. Так, в период Великой французской революции были отменены сословные знаки. Захват власти сопровождается демонстративным присвоением, унижением или уничтожением «государственных символов власти» (сжиганием флагов и т.п.) и утверждением новых символов.

Важное значение имеют функции легитимизации и мобилизации, когда символы резонируют с коллективным сознанием, его глубинными пластами. Обращение к значимым символам – мощное средство оправдания целей и средств политических лидеров, движений, важный ресурс мобилизации массовой поддержки. Конечно, символы важны и при формировании харизматического лидерства.

Под компенсаторной функцией политических символов имеется в виду тот факт, что изменение символики может быть замещением, суррогатом реальных преобразований, особенно желаемых, когда на их пути возникают труднопреодолимые препятствия. Иногда именно таким путем власти пытаются подкрепить свое положение, подменяя назревшие социальные и политические преобразования их логичными моделями-символами. Например, они возводят (разрушают, восстанавливают) монументы, переименовывают города и улицы, меняют пантеоны героев и т.д.; порой активность их в этом плане прикрывает бездействие или неспособность решать непопулярные и трудные проблемы.

Символы – это и средство передачи информации, и в этом аспекте они играют коммуникативную функцию. Важные идеологемы часто проникали в массовое сознание посредством распространения соответствующих символов. Естественно, что для понимания информации адресаты должны уметь их распознавать, «дешифровать», иначе символ может восприниматься совсем не таким образом, как задумывали его творцы. Амбивалентность – характерная черта символа, поэтому он может действовать и против создавшей и использующей его группы.

Интенсивность символической деятельности различных политических циклов может колебаться в достаточно широком диапазоне; периодически

какая-либо функция символов может выходить на первый план.

Так, роль политических символов, апеллирующих больше к эмоциям, чем к разуму, особенно вырастает в период глубоких кризисов и потрясений, которые архаизируют массовое сознание. Тогда оживают древние образцы синкретического восприятия символов, борьба за символы власти становится важнейшим средством борьбы за власть, и тогда сами символы власти фетишизируются и воспринимаются как сама власть. В периоды «смуты» и дезинтеграции возрождаются наиболее архаичные формы властных отношений – феномен, который называется «архаическим синдромом»¹. Сфера рационального сужается, проблески дискурсивного мышления тонут и расплавляются в эмоциональных бурях. Сознание охватывает «знакомания»².

Отношения к символам и борьба вокруг них может служить важным индикатором состояния и динамики взаимоотношений между «ветвями» и центрами власти, а также и другими акторами политической жизни. Изучение меняющихся символов дает возможность понять важные особенности и этапы борьбы за власть.

Политический символ – это концентрированное выражение политической идеи в простой, лаконичной форме. Форма политической символики может иметь разную знаковую природу – вербальную, невербальную и смешанную.

К вербальным знакам относятся слова и устойчивые словосочетания, прецедентные высказывания. К невербальным – флаги, эмблемы, здания, портреты, бюсты, символические действия, жесты; наконец – символические личности («звезды», кумиры и т.п.). К смешанным знакам принадлежат гимн (сплав поэтического текста и музыки и т.п.), герб (сочетание геральдических символов и вербального девиза).

В качестве символов высшей власти выступают такие традиционные артефакты, как держава, скипетр, головные уборы (корона, диадема, венец, тиара), одежда (мантия). Ценность короны, венца и других головных уборов состоит в том, что они увеличивают рост их носителей и внушают возвышенный характер политической власти. В со-

¹ Колоницкий, Б.Н. Символы власти и борьба за власть : к изучению политической культуры Российской Федерации. 1917 г. – СПб., 2001. – С.12.

² Попов, В.А. Символы власти и власть символов // Символы и атрибуты власти : генезис, семантика, функции. – СПб., 1996. – С. 13.

временном обществе многие из названных символов потеряли свою значимость, стали достоянием истории.

К числу сохранивших значимость символов-артефактов относятся здания и помещения, в которых постоянно располагаются властные органы. Обычно они находятся на возвышении – кремль, капитолий, дворец, башня, трон и т.п. С. Московичи следующим образом описывает значение Красной площади: «Красная площадь в Москве – одна из самых впечатляющих и наиболее продуманных. Расположение в центре города..., с одной стороны ее ограничивает Кремль, этот бывший религиозный центр, где раньше короновались цари, стал административным центром советской власти, которую символизирует Красная Звезда. Ленин в своем мраморном мавзолее, охраняемом солдатами, придает ей торжественный характер присутствия увековеченной Революции. В нишах стены покоятся умершие знаменитости, которые оберегают площадь, к ним выстраивается живая цепь, объединяющая Москву... с высшей иерархией... В этом пространстве в миниатюре обнаруживает себя вся история, а вместе с ней и вся концепция объединения народа»¹.

Современная политология выделяет *игровые ресурсы*, так как в политической жизни, деятельности имеют место различные игровые черты, проявление аналогичных игре подходов, методов и т.д. Так, политику рассматривают как «науку и искусство». Наука – расчет, научное обоснование и т.д. «Искусство» – опыт, что не всё и не везде в политике можно «разложить по полочкам», выразить только рационально. Иногда, в силу сверхсложности, неожиданности возникновения проблемы и необходимости срочного ее решения, проблема решается интуитивно, решающую роль здесь может сыграть опыт, талант лидера, полководца и т.д.

Далее, немаловажное значение в некоторых аспектах деятельности политических лидеров играют *артистические способности*. Вспоминается активное их использование бывшим президентом США Р. Рейганом (который был известным актером). Так, его оппонент по президентским выборам разворачивал аргументацию, а Рейган предпочитал отвечать обворожительной улыбкой, эффектным жестом, шуткой – и нейтрализовал аргументы конкурента!

¹ Московичи, С. Век толп : исторический трактат по психологии масс. – М., 1996. – С. 183.

Американский социолог *Ф. Знанецкий*, квалифицируя мотивацию политиков, выделил «людей игры», у которых сформировавшиеся в детстве игровые мотивы стали доминирующими и в последующей жизни, в том числе в сфере политики, тем более, что в этой сфере есть множество моментов, благоприятствующих развитию игровой мотивации: риск, сверхсложность ситуации, предельное напряжение сил, наличие интриги, наличие большого числа вариаций решения проблемы, соперничество и т.п. В подобных ситуациях человек, имеющий игровые задатки, способен получить преимущества перед человеком-«калькулятором». Во время Второй мировой войны было установлено, что в боевых столкновениях летчиков чаще побеждает тот, кто ведет бой «играючи».

Рольевые игры, видеотренинги используются в ходе работы консультантов с кандидатом и командой (отрядом агитаторов, штабом и т.д.) в целях развития публичности клиента, расширения навыков коммуникативного поведения и принятия решений в неопределенных ситуациях, разработки стратегии и тактики и т.д. Они полезны потому, что могут замещать действительность, а когда при этом снимается риск, связанный с реальным участием, переносят акценты с результатов на процесс. Игра преобразует действительность, расширяет пространство действий, границы понимания политического мира, словом, играет определенную роль в наращивании квалификационного и символического ресурса власти политиков.

По убеждению *Г. Павловского*, «в политике почти все является игрой, но это серьезная игра». Ее цель – не «разжигать страсти», а расширять общественный круг, на который могут опираться все конституционные власти...»

Депутат Государственной думы РФ *В. Семенов* считает, что «политика – это игра..., интересное поле, где возможен творческий подход..., полная самоотдача и бескомпромиссное выстраивание всей своей жизни».

И. Хакамада противопоставляет «мужскую политику», которая, по сути, есть «игра ради игры» или «наслаждение первенством», «женской политике», нацеленной на «строительство дома».

А. Шмелев: «Везде, где есть элемент интриги, а в политике на этом основывается чуть ли не 80–90% интеллектуальных целей игрового компонента, безусловно, отличать игру от реальной политики следует, видимо, по критерию мнимых и

реальных последствий. Но если изменение имиджа политических фигур происходит в результате игры, необходимо считать существенным ее последствия; тогда грань между игрой и реальной политикой оказывается до известной степени размытой».

Таким образом, несмотря на принципиальное различие игры и политики, арсенал символических ресурсов власти включает в себя отдельные игровые формы. Вместе с тем, эти компоненты, как правило, играют скорее дополнитель-

ную роль. Если же они становятся доминирующими, то речь идет о какой-то патологии, когда народ рассматривают как «пешки», которыми можно жертвовать, манипулировать, которых можно «разменивать» и т.п. Тем более, когда вседозволенность устраивает «игры без правил».

Анализ современной политической власти позволяет сделать вывод о наметившейся тенденции возрастания роли несиловых ресурсов. Это предъявляет новые требования к политическим деятелям, государству, обществу в целом.